

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ НОВОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Б. И. Краснобаев

Новая русская культура зародилась в XVII веке. Ей предстоял трудный и славный путь развития. Прошла она через ряд этапов. В XVII столетии зарождались и накапливались явления, которые содействовали подъему культуры в XVIII веке. Нам предстоит рассказать о периоде, начавшемся петровскими преобразованиями. Его конечная грань — Отечественная война 1812 года. Между этими двумя событиями отечественной истории новая культура одержала победу в борьбе со старой, оформились ее основные черты, резко отличавшие новую культуру от средневековой. Кризис средневековой культуры был преодолен громадным напряжением народных сил: создана светская школа, освобождалась от провиденциализма наука, возникла отечественная периодика, поворачивались навстречу новым духовным потребностям русского человека искусство и литература.

Связь культуры «Молодой России» (по выражению А. С. Пушкина) с преобразованиями конца XVII — начала XVIII в. осознавалась уже современниками. Петр I «сочинил из России метаморфозис»¹ — эту мысль развивали в публицистических и научных сочинениях, в стихах и прозе и Феофан Прокопович, и В. Н. Татищев, и М. В. Ломоносов. С ними был согласен А. Н. Радищев: Петр I «дал первое стремление столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия»².

В начале XIX в. новой культуре был брошен тяжелый упрек: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых отношениях, гражданами России. Виною Петр»³. Этот упрек потом не раз повторялся, но он мог быть с некоторым основанием направлен лишь к дворянской аристократии, порою презрительно относившейся к русскому языку, культуре, народу. Что же касается народа в целом, то развитие новой культуры усилило его патриотизм. Уже через год после знаменитой «Записки о древней и новой России» (1811 г.) Н. М. Карамзина русские люди показали меру своей гражданственности и любви к родине. Отечественная война 1812 г. стала серьезнейшим испытанием сил и возможностей русской нации, складывавшейся начиная с XVII века. Национальное самосознание, патриотизм лучшей части русского общества, воспитанной передовой культурой XVIII в., воплотились в подвигах героев Отечественной войны. «В 1812 г. не имел я образа мыслей, кроме пламенной любви к Отечеству» — так мог бы вместе с Н. М. Муравьевым сказать о себе любой декабрист. «Мы были дети 1812 года», — говорил М. И. Муравьев-Апостол. Культура декабризма — новый этап в развитии отечественной культуры. Но корни ее — в XVIII веке.

Культура в XVIII столетии развивалась стремительно. Согласимся на этот раз с Н. М. Карамзиным: «Мы зреем не веками, а десятилетиями»⁴. Герои Бородинского сражения существенно отличались от победителей в Полтавской битве. Первая половина века по особенностям культуры еще очень близка к предыдущему этапу: в это

¹ П. П. Шафиров. Рассуждение какие законные причины... Петр Первый... против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел... СПб. 1717, стр. 4.

² А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений Т. I. М.-Л. 1938, стр. 150.

³ Н. М. Карамзин. О древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях. Берлин. 1861, стр. 33.

⁴ Н. М. Карамзин. Сочинения. Т. IX. СПб. 1835, стр. 268.

время продолжалось становление новой культуры, когда свежие ее ростки пробивали себе дорогу, вступая в резкие столкновения со старым, сложно взаимодействуя с ним. Это переходный период. Во второй половине века новая культура уже утвердилась. В общественной мысли, в искусстве, в других областях рождаются такие проблемы, которые будут разрабатываться и решаться в течение долгих десятилетий XIX в. (крестьянский вопрос, проблемы личности — ее достоинства, чести, свободы, взаимоотношения ее с государством и обществом, проблемы патриотизма истинного и ложного, соотношение веры и науки, разума и чувств и множество других).

В данном очерке, который открывает ряд публикаций, посвященных культуре XVIII в., рассмотрен начальный этап складывания новой русской культуры; изменения в облике русского города; отражение в литературе начала становления нового типа человека; на основе этих наблюдений автор пытается выяснить основные черты новой культуры и некоторые тенденции их развития.

Возникновение новой культуры

Русское средневековье кончалось в XVII веке. Начинаясь «новый период русской истории»⁵. Характерными чертами культуры средневековья были религиозность и замкнутость. Они-то и привели ее к кризису. В XVII в. средневековая культура вступила в противоречие с нарождавшимися новыми явлениями в экономической, социальной и политической жизни страны. Однако, хотя и обозначился кризис старой культуры, ростки нового в архитектуре, живописи, литературе, в быту пробивались с трудом. На пути новой культуры плотной стеной стояли церковь, сторонники «древлего благочестия» в среде боярства и в других слоях общества, вековые привычки, рутинность хозяйственной и общественной жизни, свойственные феодализму, замкнутость, искусственная оторванность от передовой культуры других европейских народов. Старое было неизмеримо сильнее нового⁶. В известном смысле дело обстояло так, что, не порвав средневековых пут, сковывавших мысль, знания, светские искусство и литературу, невозможно было двигаться вперед, преодолеть ставшую опасной отсталость страны.

На рубеже XVII и XVIII вв. как будто прорвало плотину: новая культура охватывает все стороны жизни. Развитие новой культуры в большой степени связано с реформами Петра I. Они были широки и многообразны, охватывали и образование, и организацию науки, и книгоиздательское дело, печать, градостроительство, архитектуру, и даже одежду и развлечения. Конечно, не государство создало новую культуру. Но оно способствовало вольно и невольно ее становлению, внедрению в жизнь. Люди старой культуры объективно, а часто и субъективно выступали против преобразований, абсолютизма. Преодолевая сопротивление своих противников, абсолютистское государство ломало и препятствия на пути развития светской культуры. Оно давало материальные средства, поддерживало ее своим авторитетом. Вмешательство государства в ход развития культуры было властным, а порой и грубым. Противодействие переменам в области культуры принимало нередко формы борьбы с правительственной политикой. И наоборот, борьба против политики правительства часто выражалась в форме неприятия новшеств в области культуры. Ярость староверов вызывали гелиоцентрическая система, книги светского содержания, новая живопись, музыка, одежда и многое другое. Объективно прогрессивная политика абсолютизма в начале XVIII в. обусловила то, что передовые деятели на поприще русской культуры служили государству верой и правдой. Они активно содействовали проведению реформ, боролись с противниками абсолютизма. В период преобразований передовая политическая позиция в основном совпадала с ориентацией на новую культуру.

Вместе с утверждением абсолютизма складывалась и его идеология. Главным в общественной мысли конца XVII — первой четверти XVIII в. и была разработка идеологических основ политики абсолютизма, борьба с его идейными противниками. Это

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. I, стр. 153.

⁶ См. Г. Г. Громов. Русская материальная культура XVII века. «Вопросы истории», 1975, № 4; А. М. Сахаров. Русская духовная культура XVII века. «Вопросы истории», 1975, № 7.

органически сочеталось с обоснованием и пропагандой мероприятий в области культуры, с доказательством необходимости просвещения, светской науки, общения с культурой других стран и народов, новых форм быта. Для убеждения в необходимости абсолютной власти царя привлекается не только тезис о божественном происхождении власти, а и идеи «естественного права» и «общего блага». В «Правде воли монаршей», составленной виднейшим идеологом абсолютизма первой трети XVIII в. Феофаном Прокоповичем, утверждалось, что тот или иной образ правления возникает в соответствии с народной волей «по смотрению божию». Но, движима «божим манием», народная воля действует лишь однажды. Переменить образ правления народ уже не может. Он как бы говорит своему избраннику: «Мы же единожды нашей воли совлекшись, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей употреблять не будем...»⁷. Абсолютный монарх в трудах идеологов, в законодательных актах, в высказываниях политических деятелей выступает как источник блага своих подданных. Соответственно и от подданных требовалось служение «общему благу», которое отождествлялось с «государственным интересом»⁸.

Эти положения имели большое значение для формирования общественных взглядов, для обоснования политики государства в области культуры. Заботой «об общем благе», о пользе отечества в «Правде воли монаршей» обосновывалось «право» монарха вмешиваться в частную жизнь подданных, предписывать «обряды гражданские, церковные, перемены обычаев, употребление платьев, домостроения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях и пр.»⁹. Этим «правом», как известно, в XVIII в. широко пользовались. Вот лишь один из многих указов Петра I: «Всяких чинов людям московским и городовым жителям... кроме духовного чину и пашенных крестьян носить платья немецкие верхние саксонские и французские, ..а русского и черкесских кафтанов и тулупов и аязмов и штанов и сапогов и башмаков и шапок никому не носить и на русских седлах не ездить, а мастеровым людям не делать и в рядах не торговать». Разумеется, все это под «жестоким наказанием». Были и указы «о бритии бород и усов всякого чина людям кроме попов и дьяконов»¹⁰. Во времена Петра I «борьба» со старинным платьем и бородами велась в общем русле мероприятий по становлению новой культуры. «О бородачи!» — с ненавистью восклицал Петр, имея в виду сопротивлявшихся реформам староверов¹¹. Для него и его сподвижников «кафтан и тулуп и аязм» и борода ассоциировались с косностью.

Одной из причин кризиса средневековой культуры была ее замкнутость, стремление отгородиться от общения с другими европейскими народами, их культурой. Большую роль в этом играла религиозная нетерпимость. В условиях начала нового периода русской истории церковь старается сохранить прежние позиции. Но она приходит в противоречие с общественным развитием¹². Намечается глубокий упадок церковного авторитета. Церковь терпит поражение в столкновении со светской властью. Тем более она противится напору новой культуры, общению с неправославными странами. Небезосновательно она видит в этом угрозу своему идеологическому господству. Не менее яростно сопротивлялись общению с Западом и расколотители. По верному замечанию В. С. Иконникова, «XVII век, когда с такой силой стали пробиваться в жизнь новые явления, был вместе с тем веком наибольшей требовательности и взыскательности относительно заветной старины»¹³. Но уже тогда многим стало ясно, что обойтись без «латинян» и «люторов» невозможно. «С иностранцами теперь обращаются гуманнее, чем прежде»¹⁴, — отметил побывавший в России в 1686—1689 гг. чешский иезуит Иржи Давид.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб. 1830. Т. VII. № 4870.

⁸ См. Н. И. Павленко. Петр I. (К изучению социально-политических взглядов). «Россия в период реформ Петра I». М. 1973, стр. 77.

⁹ ПСЗ. Т. VII, № 4870.

¹⁰ Там же. Т. IV, №№ 1741, 2015.

¹¹ См. Л. Н. Майков. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб. 1891, стр. 63.

¹² См. А. Н. Сахаров. К изучению истории русской церкви. «Вопросы истории». 1968, № 6, стр. 176.

¹³ В. С. Иконников. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев. 1874, стр. 59.

¹⁴ Иржи Давид. Современное состояние Великой России или Московии. «Вопросы истории», 1968, № 4, стр. 141.

Заслугой Петра I был решительный поворот в сторону торгового, политического и культурного обмена с другими европейскими странами. Впрочем, многие на Западе относились к России недоброжелательно. России пришлось в течение двух десятилетий вести изнурительную Северную войну (1700—1721 гг.), чтобы пробиться к морю, коренным образом изменить свое международное положение, доказать свои возможности и права европейской державы, равноправного партнера в торговых и дипломатических делах, взаимоотношениях в области культуры. Наиболее дальновидные русские люди осознавали, что для дальнейшего развития страны, преодоления отсталости необходимо не только обеспечить торговый обмен с другими государствами, но и овладеть богатствами мировой культуры. Обращение к западной культуре вызывало сопротивление не одних обскурантов. Некоторым виделось здесь умаление национального достоинства. Им насмешливо возражал Феофан Прокопович: «Разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстать, чуждого же и доброго принять не хочет»¹⁵.

Перенимание доброго от «других и чуждых» происходило разными путями. Десятки дворян посылали за границу учиться морскому делу, наукам, ремеслам, живописи. Русских людей можно было встретить в самых разных местах Европы. Приезжает, например, в 1719 г. во Флоренцию И. И. Неплюев, посланный учиться морскому делу, и встречается там «россиян, обучающихся живописному искусству». Это были крупнейший русский портретист Иван Никитин с братом Романом, тоже известным художником, и «с товарищи». Затем Неплюев оказался в Тулоне. И там он встретил семь человек «наших русских гардемарин». Они учились «навигации, инженерству, артиллерии, рисовать мачтапов, как корабли строятся, боцманству (т. е. оснащать корабль), артикулу солдатскому, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить...»¹⁶.

Приглашали в Россию большое число иностранных специалистов — от мастеров-кораблестроителей до ученых для комплектования основанной в 1725 г. Академии наук. Но, конечно, ни Петр I, ни его сподвижники не считали этот путь овладения богатствами европейской культуры единственным или даже основным. Нехватка образованных, знающих людей, необходимость идти за наукой к иноземцам вызывали и чувство неуверенности в успехе реформ, и задевали национальное самолюбие, и отягощали казну. Было ясно, что «без свободных наук и добрых рукоделий не может государство стезать себе умного имения»¹⁷. Так писал Ф. Салтыков, предложивший «проект» организации системы образования в стране. Для создания системы народного образования в первой четверти XVIII в. не было ни времени, ни средств, ни учителей. Приходилось организовывать школы, дававшие самые необходимые практические знания. Первые светские школы были открыты в первом году XVIII в. в Москве. Это были Пушкарская и Навигацкая (математических и навигационных наук) школы. Названия ясно раскрывают их назначение. При корабельных верфях (под Воронежем, в Петербурге, Ревеле, Кронштадте и др.) устраивались «русские школы», где готовили грамотных мастеровых. В 1714 г. было принято решение открыть во всех губерниях цифирные школы для обучения «молодых ребяток» от 10 до 15 лет чтению, письму, цифири «и некоторой части геометрии». Выучившимся указывалось выдавать «свидетельственные письма», без которых «жениться их не допускать»¹⁸. Устраивались и другие школы, например, горнозаводские на Урале, основанные В. Н. Татищевым в 1721 году.

В школах того времени была масса недостатков. Не хватало учителей, мало отпускалось средств на их заведение и содержание. В педагогике сохранялась средневековая авторитарность. Методика обучения не была разработана, ученикам было трудно усваивать «науки», поэтому основным средством воздействия на учеников оставались розга и хлыст. В инструкции Морской академии (основана в 1715 г. в Петербурге) предписывалось: «Для унятия крику и бесчинства выбрать из гвардии добрых солдат и быть им по человеку во всякой коморе во время учения и иметь хлыст в ру-

¹⁵ ПСЗ. Т. VII, № 4870.

¹⁶ «Записки И. И. Неплюева». Оттиск из «Русского архива», 1870, стр. 32, 36.

¹⁷ См. «Пропозиции Федора Салтыкова». «Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности 1888—1891». СПб. 1891. Приложение, стр. 24.

¹⁸ ПСЗ. Т. V, № 2778.

ках, буде кто из учеников станет бесчинствовать, оных бить»¹⁹. Однако нельзя рисовать положение в тогдашних школах только черной краской. Были и образованные учителя, например, в Навигацкой школе Л. Ф. Магницкий. Он составил прекрасный по тем временам учебник «Арифметика, сиречь наука числительная» (1703 г.). Для учащихся издавали настенные наглядные пособия (например, «Новый способ арифметики Феорики или зрительныя», составленный и изданный В. А. Киприановым в 1705 г.). В обучении довольно широко применялась наглядность. Части корабля изучали на моделях, при ознакомлении с анатомией в медицинском училище использовались скелеты и отдельные кости, в анатомический театр при училище доставлялись трупы бездомных людей.

Первые светские школы дали немалое число образованных людей, которые обеспечили проведение реформ, способствовали подъему русской культуры. Регулярная русская армия была в основном укомплектована офицерами, подготовленными в военно-учебных заведениях и гвардейских полках. К 1720 годам в морском флоте было «своих русских офицеров довольно»²⁰. Немало было в армии и во флоте лекарей и подлекарей, выучившихся в Московском медицинском училище (основано в 1707 г.) и в Петербургской хирургической школе (открылась в 1716 г.).

Новые школы, где преподавали не духовные лица, а приезжие иностранные специалисты, русские офицеры, отставные солдаты и тому подобный народ, где предметами преподавания были цифирь, навигация, корабельное дело, медицина, воспитывали совершенно новое, светское мировоззрение, в корне меняли взгляды на характер и значение знаний, образованности, науки. Возникло и новое отношение к книге, к литературе, искусству.

Огромна роль светской книги в становлении и распространении новой культуры. В книге петровского времени новая культура нашла яркое воплощение. Одновременно книга — один из важнейших факторов развития культуры — стала активным посредником в усвоении достижений других народов. Печатные издания, распространяясь в большом количестве экземпляров по всей стране, не только несли новые знания, но и способствовали выработке общих для складывавшейся русской нации понятий, взглядов, языка, способствуя тем самым национальной консолидации, становлению национальной культуры. Петр I прекрасно понимал значение книжного дела. Он был фактически руководителем книгопечатания в России и самым активным его деятелем. Почти все издаваемые книги проходили через его руки, он указывал, что издавать, что переводить, редактировал, наблюдал за печатанием. По его инициативе и при его непосредственном участии была проведена реформа шрифта (1708—1710 гг.). Он вникал и в оформление книг, следил за качеством переплета и брошюровки. За 24 года (1701—1724) издательская продукция возросла в 18,6 раза. При этом резко уменьшилась доля религиозной литературы. Из общего числа изданий (1877) на ее долю приходилось лишь 256, то есть около 14%²¹.

Реформа гражданского шрифта имела не только техническое значение. «Введение русской гражданской азбуки обозначало упадок церковно-книжной культуры средневековья, утрату церковно-славянским языком господствующего положения в структуре русского литературного языка и вместе с тем намечало пути дальнейшей борьбы за создание на народной основе национально-русского литературного языка»²². Рука царя твердо направляла книжное дело в государственных интересах. Издавались книги лишь практически нужные. Петр I требовал, чтобы содержание каждой книги было «не праздною ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему...»²³. Больше всего гражданским шрифтом издавались учебники, научно-технические, познавательные книги. Назовем для примера: «Геометрия словенски землемерие...» — первая книга гражданской печати; «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте...»; «Нау-

¹⁹ Там же, № 2637.

²⁰ «Материалы из истории русского флота». Ч. III. СПб. 1866, стр. 222.

²¹ С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л. 1973, стр. 55, 87.

²² В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XV—XVII вв. М. 1928, стр. 80.

²³ «Акты о высших государственных установлениях». Т. I. Законодательные акты Петра I. М.-Л. 1945, стр. 148.

ка статическая, или механика» Г. Г. Скорнякова-Писарева. В 1720 г. вышла первая на русском языке книга по истории науки и техники, переведенная с латинского, — «Осьмь книг об изобретателях вещей» Полидора Виргилия Урбинского (написана в 1517 г.). Книга эта, видимо, привлекла внимание издателей благодаря сведениям «об изобретении» земледелия, мореходства, различных орудий труда и множества других «вещей», а также своей острой антикатолической, антипапской направленностью. В предисловии к русскому читателю давался совет не смущаться, если он встретит в книге нечто «аки бы противно твоему благочестию», «ибо читаем книги различны... и древних еллинов, и египтян, и персов, и прочих историй, не да веруем им, но да ведаем творимая у них: и да явимся искусни во обхождениях их»²⁴. Предлагались вниманию читателей «Приклады, како пишутся комплименты разные» — образцы писем к разным особам и на все случаи жизни.

Немалое место занимали издания, в которых обосновывалась внешняя политика России (например, «Рассуждения» П. П. Шафирова). Большое пропагандистское значение имела публикация указов, разъяснявших преобразовательные мероприятия, политику правительства. Пропаганде идеологии абсолютизма уделялось внимание даже в учебниках. Так, в «Арифметике» Магницкого большую часть фронтисписа занимает изображение государственного герба. А в начале книги помещены стихи — «на предлежащий герб». В них прославляются государство и самодержавный царь. В те же годы вышло несколько книг, направленных на повышение уровня культуры бытовой жизни, в первую очередь дворянства. Это, например, знаменитое «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению...» (за 1717—1723 гг. выдержало 4 издания).

И, конечно, особое значение имело возникновение в России периодики. Выпуск газеты «Ведомости» (небольшого формата — с современную почтовую открытку, объемом в 2, иногда до 22 страниц) знаменовал такой переворот в привычных представлениях старинного русского человека, который в наше время нелегко осознать и оценить. Анализ одного только этого факта — начала издания газеты, предназначенной для распространения среди населения, может дать достаточно полное представление о том новом, что возникло в русской общественной жизни и культуре в начале XVIII века. Замкнутость средневековой культуры выражалась, в частности, в том, что все иностранные известия считались секретными. Иностранные газеты поступали в Посольский приказ, где из них делались выборки и в виде «Вестей» докладывались царю. Царь указывал, кого из правительственных лиц ознакомить с тем или иным материалом.

Но к началу XVIII в. в Россию прибыло множество самых разнообразных иностранных специалистов. Сотни русских людей выезжали за рубеж. Стало бессмысленным скрывать иностранные известия. Кроме того, Россия претендовала на активную роль в европейских делах. Это увеличивало общественный интерес к другим странам, к их политике и внутренней жизни. Большое значение имел и психологический перелом в отношении зарубежной культуры. Несомненно, возросла потребность и в сведениях о событиях в своей стране. Любопытное свидетельство интереса к внутренним делам имеется в анонимной «Повести о внезапной кончине царя Михаила Федоровича» (1647 г.): «В странах немецких пишут и печатают в книгах и на листах о военных действиях; почему же мы ленимся, боимся или срамямся писать или печатать о том, что случается в русской земле»²⁵.

С 1702 г. начала выходить первая русская печатная газета, предназначенная для распространения среди населения. Русский человек получил теперь возможность узнавать и о «странах немецких» и о том, что «случается в русской земле». Больше всего в «Ведомостях» сообщений о Северной войне. № 11 за 1709 г. с известием о Полтавской виктории был напечатан на целом листе в две краски. Его прибывали на людных улицах для всеобщего чтения. Есть материалы о заведении школ, о находках полезных ископаемых и т. п. В № 4 за 1706 г. помещено «Объявление о затмениях»,

²⁴ В. В. Данилевский. Русская техническая литература первой четверти XVIII в. М.-Л. 1954, стр. 134—142.

²⁵ Цит. по: М. П. Слуховский. Библиотечное дело в России до XVII в. М. 1968, стр. 38.

«которые над нашим горизонтом (еще чист воздух) видны будут». Просветительное значение таких материалов несомненно. Стоит представить себе русского человека, купившего в книжной лавке свежий номер «Ведомостей» и внимательно читающего о том, что произошло в Вене, или в Мадриде, или в Мексике, или в Бухаре! Как расширился для него мир! Конечно, для многих читателей эти названия звучали абстрактно. Но пробуждался интерес к другим странам. Человек отправлялся в ту же книжную лавку и покупал, например, «Географию или краткое земного круга описание» (1710 г.), из которой мог узнать, «которые государства в коейждо части обретаются, и каждого государства пределы, величина, с кем смежны, сила, богатства, доходы и прочая». Мог он почерпнуть географические сведения и из учебника И. Гибнера «Земноводного круга краткое описание», изданного в 1719 году. Позднее для читателей газеты «Санктпетербургские ведомости» стали издавать специальные «Примечания», разъясняющие географические, исторические и другие новые понятия и термины, дававшие комментарии к газетным сообщениям²⁶.

Новое в облике русского города

В XVIII в. государству приходилось решать крупные градостроительные задачи. Характер планировки, благоустройства, архитектуры средневекового города не соответствовал новым потребностям городской жизни, изменяющимся эстетическим представлениям. Возникали новые города, непохожие на средневековые: Петербург, Херсон, Николаев и многие другие. Внешний облик, жизнь и быт города преобразались, отражая изменения в хозяйстве, социально-экономических отношениях, культуре страны. В свою очередь, новая культура выступала в жизни города, в градостроительстве наиболее ярко и зримо.

Действительно, в строительных камнях или дереве материализуются идеи, чувства, вкусы строителей и их современников. «Архитектура по самому своему характеру лишь в иносказательной форме способна выражать те общественные идеи, которые в публицистике, в философских трактатах и в художественной литературе могут найти себе прямое выражение. Но в основе своей архитектура выражает те же идеи, что и другие виды искусства»²⁷. «Спящие громады пустынных улиц» Петербурга — грандиозный памятник, воздвигнутый людьми XVIII в. самим себе и своему времени. Начинается день, просыпаются улицы, наполняются людьми — современниками создателя «Медного всадника» или нашими современниками, с иными заботами, с иными стремлениями. Улицы, дома старого Петербурга — прекрасное наследство людей XVIII в. — служат уже многим поколениям. Приглядевшись, в них можно различить сквозь изменения и наслоения последующих времен облик создателей — творцов культуры XVIII в., в чем-то бесповоротно далекой, а в чем-то неожиданно и очень близкой нам. Петербург — это, пожалуй, первое, что приходит в голову, первая ассоциация со словами «культура XVIII века». Этот город — детище XVIII столетия. Век, его культура отразились в нем наиболее наглядно. Тем не менее начинать историю русской культуры нового времени правильнее не с Петербурга. Это значило бы отрывать ее от предыдущего периода. Между тем многое из того, что так ярко проявилось в строительстве Петербурга, исподволь складывалось в течение длительного времени.

На рубеже XVII и XVIII вв. самым крупным, самым населенным и, вероятно, самым типичным русским городом была Москва. Средневековым еще городом, но в котором уже начались сдвиги к новому. Самое высокое здание тогдашней Москвы — колокольня Ивана Великого. В один из дней 1702 г. на верх ее поднялся любознательный путешественник, художник из Голландии К. де Бруин. «С высоты этой Ивановой колокольни открывается самый лучший вид на город со множеством каменных церквей, которыми он наполнен... Главы некоторых из них вызолочены, что производит чрезвычайное впечатление, когда солнечные лучи падают на эти главы и играют на них»²⁸. Множество церквей — вот первое и сильное впечатление от столицы. Не-

²⁶ «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в «Ведомостях» (1728—1742); название это неоднократно менялось.

²⁷ М. В. Алпатов. Этюды по истории русского искусства. Т. 2. М. 1967, стр. 17.

²⁸ «Путешествие через Московию Корнелия де Бруина». М. 1873, стр. 81.

сколько раньше о том же писал другой путешественник: город «кажется очень красивым и даже восхитительным благодаря множеству монастырей и церквей»²⁹. Внимательный глаз де Бруина отметил «множество и других красивых каменных зданий», в частности строившийся в Кремле Арсенал (закончен в 1736 г., существует поныне) и деревянное здание на Красной площади «для представления в нем театральных произведений». Это были уже приметы нового. К. де Бруин осматривал Москву не только с птичьего полета. Он обошел Белый город вдоль его стен, отметив, что на это понадобилось два часа, и Земляной город, записал названия всех башен. Как годичные кольца на срезе дерева, крепостные стены Москвы обозначали этапы ее роста. Улицы из ворот Кремля текли к воротам Китай-города, Белого, Земляного, переходили в дороги, которые вели во все концы страны.

Средневековая Москва росла стихийно. Своя целесообразность, свои ритмы были в этом росте. Целое нередко получалось живописным, ярким. Но к концу XVII в. характер Москвы как города перестал удовлетворять жителей и власти. Он не соответствовал новым требованиям жизни, постепенно складывавшемуся новому быту. Об этом наглядно свидетельствуют правительственные указы о благоустройстве Москвы, изданные в немалом числе в конце XVII — начале XVIII века. Вчитываясь в эти указы, живо представляешь себе большой, беспокойный, не очень благоустроенный город. Он часто горит, что причиняет много бед; строения в большинстве деревянные, крытые соломой. Именной указ от 1681 г. требует, чтобы москвичи «палатное всякое строение, ныне и впредь, крыли тесом, а сверху тесу усыпали землю и укладывали дерном». И вообще, чтобы «деревянного хорошего строения отнюдь никому не делать некоторыми делы».

В Москве есть большие улицы, но они «во многих местах тесны» из-за деревянных заборов, поэтому в пожарное время стрельцам «от пожара дворы отымать» трудно. Велено вместо заборов «строить стенки каменные»³⁰. А в 1698 г. было дано распоряжение, гласившее, чтобы на Красной площади «лавки и шалаши и всякое лавочное строение сломать и впредь... для торгу никакому строению не быть». В Китай-городе требовалось лавки строить каменные, и чтобы «все лавки под одну кровлю». В старой Москве дома ставили в глубине дворовых участков, на улице выходили глухие заборы. И об этом был указ (1704 г.): о строениях в Москве каменных домов «добрым мастерством» и по улицам, а «не посередь дворов своих»³¹. Еще при царе Алексее Михайловиче «в город было завезено большое количество камня. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые каменные дома, а деревянные сносить»³². Однако дело это продвигалось медленно. В начале XVIII в. большие улицы, «где ныне деревянные мосты», указано было мостить камнем. Проявлялась забота и о санитарном состоянии города: «На Москве, чтоб по большим улицам и по переулкам, чтоб помету никакого и мертвечины нигде ни против чьего двора не было, а было б везде чисто»³³. Видимо, не рассчитывая на быстрое искоренение застарелой привычки, указ грозил ослушникам кнутом и пеней.

Постепенно менялся облик Москвы, ее улиц, вид уличной толпы. Появились совсем новые сооружения. В конце XVII в. был построен Большой каменный мост через Москву-реку, в 1705 г. недалеко от него — крупная централизованная мануфактура Суконный двор. На берегах Яузы в течение нескольких лет строилась, постепенно расширяясь, еще одна крупная мануфактура — Хамовный двор, состоявший из различных построек: «толчейных амбаров», плотины через реку, подсобных и жилых помещений. В начале века на Красной площади, на месте, где сейчас находится Исторический музей, воздвигли трехэтажное здание для Земского приказа. Позднее в нем помещалась Главная аптека. Это — характерное произведение русского зодчества того времени и по своим архитектурным формам и по своему назначению. Появление Главной аптеки соответствовало указу Петра I: «Быть на Москве вновь осьми аптекам, и построить те аптеки в Китае и в Белом и в Земляном городах, на больших проезжих

²⁹ Г.-А. Шлейссингер. Полное описание России. «Вопросы истории», 1970, № 1, стр. 107.

³⁰ ПСЗ. Т. II, № 892.

³¹ Там же. Т. IV, №№ 1649, 1718, 1963.

³² Г.-А. Шлейссингер. Указ. соч., стр. 107.

³³ ПСЗ. Т. IV, №№ 2052, 2072, 1684.

и пространных улицах... Зеленому ряду, что в Китае городе, так же и по всем улицам и по перекресткам, лавкам, в которых продавали всякое непотребные травы и зелья, будто вместо лекарств, не быть и те... лавки все сломать»³⁴. Через полвека зданию Главной аптеки предстояло стать первым помещением Московского университета.

Силуэт Москвы обогатился двумя величественными башнями — Сухаревой (возведена в 1698—1701 гг. над Сретенскими воротами Земляного города) и Меншиковой (церковь Архангела Гавриила, построенная на средства А. Д. Меншикова в 1704—1707 годах). Первая из них вошла в историю русской культуры не только как произведение светской архитектуры, свежее по своему стилю. Именно в Сухаревой башне разместилась первая светская школа (Навигацкая, или Школа математических и навигацких наук). Здесь же помещались обсерватория, токарная мастерская³⁵. Меншикова башня — самое высокое здание тогдашней Москвы. До того, как молния сбила шпиль и верхний ярус, она была выше колокольни Ивана Великого на три метра. Нижняя часть ее напоминает скорее здание дворцового типа, чем церковь. Балконы над портиками, декоративная скульптура, гирлянды из белокаменных цветов придают ей жизнерадостный, светский вид.

Так в Москве возникали островки нового, постепенно меняя облик города, исподволь приучая людей к восприятию иных, чем прежде, архитектурных образов. В центральной части Москвы, тесно сжатой стенами Кремля и Китай-города, со сложившейся застройкой, прочными традициями трудно было развернуться. Поэтому лучшие ансамбли начала века — усадьбы Ф. Я. Лефортова и Ф. А. Головина — «строятся в районе, открыто противостоящем старой Москве». Лефортово «превращается в своеобразную школу зодчества». Лефорт и Головин — сторонники реформ, ближайшие сподвижники Петра I. Архитектурные новшества вводятся от их имени. Сам Петр еще «не решается открыто строить царские дворцы в формах, противоречащих традициям старого московского зодчества»³⁶. Но оба ансамбля, раскинувшиеся друг против друга по обоим берегам Яузы, были в полном распоряжении царя: здесь происходили торжественные официальные приемы и празднества. В районе Лефортова строятся не только дворцы знати. Здесь появляются «военная госпиталь», здание сената. В 30-х—40-х годах В. Растрелли создал великолепный дворец в стиле барокко — летний Анненгоф и парк. Для московского дворянства Лефортово стало излюбленным местом гуляний³⁷. Новый вид приобрели улицы, которые связывали этот район с Кремлем. Они были заново распланированы, дома по ним были поставлены по красной линии, как требовал цитированный выше указ.

В своем описании Москвы К. де Бруин упомянул здание, стоявшее в начале Красной площади. Эта «Комедийная хоромина», как ее тогда называли, была деревянной и вскоре сгорела. Но в 1731 г. на том же месте В. Растрелли воздвиг большое красивое здание нового театра. Зрительный зал его вмещал до двух тысяч человек. В нем выступали приглашенные из Италии артисты, симфонический оркестр, русский придворный хор. Представления давались почти ежедневно и имели большой успех. В том же году в Москве были впервые установлены уличные фонари. Стража следила, чтобы они в дни спектаклей горели обязательно и чтобы владельцы домов выставляли в окнах свечи³⁸. После того, как театр в 1737 г. сгорел, Растрелли при участии архитектора М. Г. Земцова выстроил в Лефортове Иллюминационный театр и Оперный дом.

Все значительнее становится удельный вес гражданского строительства. Зодчие стремятся решать цельные градостроительные задачи. Крупным градостроительным мероприятием стало составление точного плана Москвы на основе геодезической съемки. Без этого была немислима дальнейшая планомерная застройка города. План был завершен в 1739 г. архитектором И. Ф. Мичуриным. Однако смелые градостроительные идеи зодчих с большим трудом пробивались сквозь многочисленные препятствия. Они

³⁴ Там же, № 1879.

³⁵ И. Грабарь. Сухарева башня. «О русской архитектуре». М. 1969; М. А. Флоровская. Навигацкая школа. «Вопросы истории», 1973, № 10.

³⁶ О. С. Евангулова. Дворцово-парковые ансамбли Москвы первой половины XVIII в. М. 1969, стр. 22.

³⁷ Там же, стр. 44—83.

³⁸ См. Н. М. Молева. Возникновение оперного театра в России. «Вопросы истории», 1966, № 9.

создавались и объективным противоречием между потребностями развития городской жизни и феодально-крепостническими порядками, все более превращавшимися в тормоз для развития хозяйства и культуры. Мешали и бюрократизм, непонимание, безразличие городских властей к нуждам городского населения. Увлечение преемников Петра I возведением пышных городских и загородных дворцов, парков, триумфальных арок отвлекало средства и силы от осуществления крупных градостроительных задач. Застройка Москвы, несмотря на многочисленные указы, шла по-прежнему стихийно. Тесно стоявшие деревянные дома продолжали часто гореть. В 1725 г., например, только за один месяц произошли четыре крупных пожара. После этого было строго указано возводить улицы шириной в 10 сажен, переулки — в 6 сажен, дома располагать только по красной линии, а старые, выходящие за линию, — ломать. В Кремле и в Китай-городе запрещалось впредь строить из дерева, все деревянные здания велено было сломать³⁹. Однако за взятку можно было получить разрешение на постройку в непопленном месте. Городские власти отказались выкупить у частных владельцев дома вокруг нового Кузнецкого моста. Архитектор Д. В. Ухтомский, построивший этот мост через Неглинку (1756 г., память о нем сохранилась в названии улицы), разработал проект застройки местности вокруг моста. Берега Неглинки только в середине века начинали терять свой сельский вид, здесь появились городские дома. Чтобы осуществить план целостной современной застройки, нужно было выкупить в казну участки частных землевладельцев, снести часть дома, занятого под кабак. Городские власти на это не пошли, и проект тогда осуществлен не был⁴⁰.

Все же постепенно Москва преображалась. Отзывы современников дают живое представление и о городе и о том, как его воспринимали люди того времени. «Известно, что в Москве, столь просторном городе, в летнее время бывает жителей около 300 000, а в зимнее, как в сию столицу из всей Российской империи съезжается великое множество дворян, из коих некоторые для исправления своих надобностей, а большей частью для препровождения времени в веселии и удовольствии, а купечество, как российское, так и чужестранное для закупки товаров и торгу, приезжают, то бывает и около 400 000... Здесь о том не за бесполезное упомянуть почитается, что Москва, будучи расположена на возвышенном и сухом месте, и как строение в ней не стеснено, и внутри города находится много садов, имеет воздух всегда здоровый во все времена, по сему число родившихся всегда превышает число умерших...». Красная площадь «обстроена» в прошедшие два года «каменными рядами в два этажа, какою архитектурю и прочие в Китае ряды обстраиваться начинают, в коих рядах лавок 4021 каменных и 55 деревянных, да еще на сей же площади новыстроенных в два жила 270 лавок, в коих во всех торгуют ежедневно всякого рода товарами. Выстроенные вновь в последние же два года и по Ильинке великолепные и огромные обывательские дома имеют под собою около 60 лавок, в коих торгуют галантерею, придают сей части города немало красоты...». В Белом городе «дом Благородного кляба (сейчас в нем Дом союзов. — Б. К.), великолепно членами его отстроенный, имеет в себе залу, в коей до 2 000 обоего полу помещается; публичный каменный театр, в пристроенных к нему галереях и залах бывают многочисленные маскарады и собрания»⁴¹.

Современники считали достопримечательностями Москвы кремлевские соборы и дворец, Оружейную палату, «в коей хранятся древние государственные сокровища», монетный и гостинный дворы, Воспитательный дом, «главная генеральная госпиталь, при коей анатомический театр и врачебное училище, Екатерининская госпиталь, при коей дом для прививания оспы, Павловская госпиталь; Российский театр». Не забыты «многие фабрики, как то суконные, полотнянные, шелковые и другие...»⁴².

Старое в московской жизни причудливо переплеталось с новым, усиливались контрасты. «Странное смешение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов европейских с нравами и обычаями восточными!.. Посмотри, здесь, против зубчатых стен Китай-города, стоит прелестный дом самой новейшей итальянской архитек-

³⁹ ПСЗ. Т. XIII, № 10003.

⁴⁰ А. Михайлов. Архитектор Ухтомский и его школа. М. 1954, стр. 43—51.

⁴¹ «Новый полный географический словарь Российского государства...». Ч. III. М. 1788, стр. 218—219, 222.

⁴² «Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащих...». СПб. 1787, стр. 265—266.

туры; в этот монастырь, построенный при царе Алексее Михайловиче, входит какой-то человек в длинном кафтане, с окладистой бородой, а там к бульвару кто-то пробивается в модном фраке...». На Кузнецком мосту, на Тверской, на бульваре «книжные французские лавки, модные магазины,.. часовые мастера, погреба... Вот большая карета... в ней чудотворный образ, перед ним монах с большой свечой... Посторонись! Этот ландо нас задавит: в нем сидят щеголь и красавица; лошади, лакей, кучера — все в последнем вкусе... Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней»⁴³. Это зарисовки с натуры, сделанные в самом начале XIX в., через сто лет после наблюдений де Бруина и Шлейсингера. Конечно, здесь только внешнее впечатление от московских улиц. Но тонкий наблюдатель за внешностью разглядел и глубокие социальные контрасты. Несмотря на причудливую смесь старины и новизны, а быть может, и благодаря ей, Москва сохраняла для современников обаяние чисто русского города. Правилась патриархальность ее быта, отсутствие столичной чопорности. «Москва! России дочь любима! Где равную тебе сыскать?»⁴⁴ — спрашивал и утверждал известный в те времена поэт И. И. Дмитриев.

Петербург производил совсем иное впечатление. Как легко возникают в воображении громады улиц, адмиралтейская игла, державное течение Невы, береговой гранит, мосты над водами! Великолепие и контрасты: «Город пышный, город бедный...» В знакомых с детства строках картина Петербурга пушкинских времен. Пушкин мыслит исторично: «Прошло сто лет...». А сто лет назад — в начале XVIII в. на этом месте только мшистые, тонкие болота да несколько деревушек и мыз. Петербург сознательно строился как город новой культуры, как столица, противопоставляющаяся Москве. Столицей Петербург становится с 1712 года. В 1714 г. указом было запрещено «всякое каменное строение» во всем государстве: не хватало средств, «каменьщиков и прочих художников»⁴⁵. Собирали мастеров по всей стране, выписывали из-за границы, спешно обучали. Использовали учащихся. Например, ученики Навигацкой школы вместе со своими учителями измеряли летнюю дорогу от Москвы до Петербурга...

В Петербурге тоже оказался дотошный наблюдатель — камер-юнкер голштинского герцога⁴⁶ Ф. В. Берхгольц, который, подобно де Бруину в Москве, забрался в 1721 г. на самую высокую петербургскую колокольню Петропавловского собора. Но увидел он нечто, сильно отличавшееся от того, что видел де Бруин. Уже не церкви восхищали наблюдателя, не причудливое сочетание белокаменных стен, бесчисленных узеньких улочек и переулков. «Петербург имеет вид овала и занимает огромное пространство. Во многих местах он еще неплотен застроен. Крепость С.-Петербург, где находится колокольня, построена у самой Невы и имеет несколько толстых и высоких каменных бастионов, уставленных большим числом пушек... Васильевский остров, где находится дом князя Меншикова и выстроено уже много других больших зданий... Город по правую сторону реки, где Адмиралтейство, прорезан многими каналами... Еще прекрасный вид на совершенно прямую аллею...». Берхгольц до этого уже был в Петербурге в 1714 году. За семь лет город так изменился, что он «вовсе не узнавал его». «С самого начала мы въехали, — рассказывает Берхгольц, — в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и, по справедливости, названную проспектом (Невский проспект. — Б. К.), потому что конца ее почти не видно... Несмотря на то, что деревья, посаженные по обеим ее сторонам в три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива... На Адмиралтействе, красивом и огромном здании, устроен прекрасный и довольно высокий шпигель. Миновав эту аллею, я проехал через подъемный мост, по левую сторону которого стоит новая Биржа, четырехугольный и так же очень красивый дом... Я с удивлением смотрел на выстроенные вдоль канала новые великолепные дома, из которых один был красивее другого»⁴⁷.

Да, Петербург сразу стал городом новой, светской культуры. Смотрите, как замелькали в описании наблюдателя новые, непривычные старинному русскому челове-

⁴³ К. Н. Б а т ю ш к о в. Сочинения. М. 1955, стр. 307, 308, 312.

⁴⁴ И. И. Д м и т р и е в. Сочинения и переводы. Часть первая. М. 1803, стр. 11.

⁴⁵ ПСЗ. Т. V, № 2818.

⁴⁶ Герцог Голштинский приехал в Россию в 1721 г. свататься за старшую дочь Петра I Анну. Брак состоялся в 1725 году.

⁴⁷ «Дневник камер-юнкера Берхгольца, часть первая, 1721 г.». М. 1857, стр. 45, 46, 81.

ку слова: проспект, биржа, Адмиралтейство, каналы. И еще интереснее: все, о чем упомянул Берхгольц, сохранилось до наших дней, хотя и в несколько изменившемся виде. Невский проспект, Адмиралтейство, его игла восхищали человека начала XVIII в., позже А. С. Пушкина, никого не оставляют они равнодушными и в наши дни.

Мы не ставим задачу рассказать о ходе строительства Петербурга, о его развитии. Важно уяснить, что нового принес XVIII в., чем облик нового города отличен от прежнего. То, что наметилось уже в Москве — стремление к «регулярности», то есть к рациональной планировке, единообразию стиля, одинаковой высоте зданий, ширине улиц и прочее, — все это нашло воплощение в Петербурге. В градостроительных и архитектурных формах новой столицы зримо воплощались идеи величия государства, поднимающейся нации, преобразований, становления светской культуры. Современники создания города отчетливо понимали это. Петербург «превеликую помощь, пользу и славу Российскому соделывает государству», — утверждал Гавриил Бужинский в «Слове, в похвалу Санктпетербурга...». Противники же преобразований — «ядовитые ехидны, изострившие свои аспидные зубы»⁴⁸, с ненавистью и отвращением относились к новой столице.

Петербург не случайно называли «окном в Европу». Сам идейно-художественный замысел этого города утверждал европейский характер Российского государства и его культуры. Эта мысль настойчиво внедрялась в сознание европейских правительств. Например, план Петербурга, гравированный на 9 листах в 1753 г., русские послы распространяли в тех странах, где они были аккредитованы. Еще раньше, в 1716 г., правительства западных стран рассылали проект устройства Петербурга, выполненный архитектором А. Леблоном⁴⁹. В сознании современников Петербург воплощал и патриотический подъем складывающейся нации. Этот подъем питался и проводимыми реформами, и успехами в Северной войне, крепнущей мощью государства, ростом его международного значения, развитием новой культуры. Характерно высказывание В. Растрелли по поводу строительства Зимнего дворца: «Строение каменного Зимнего дворца строится для одной славы всероссийской»⁵⁰.

Градостроительный опыт Москвы и Петербурга пригодился при создании во второй половине века новых городов и перепланировке и перестройке старых. Городская жизнь развивалась. Росло население городов, появлялись новые промышленные предприятия, расширялась торговля. Неупорядоченная, деревянная по преимуществу застройка мешала транспорту, приводила к частым пожарам, не соответствовала больше запросам и вкусам горожан. С наступлением вечера старые города погружались во тьму. Вот любопытная картинка: город Валдай, вечер. Жители домов, расположенных по проходящему здесь тракту Петербург — Москва, стоят у своих окон с зажженными свечами и лучинами: им приказано осветить путь проезжающей мимо вдовствующей царице Прасковье (1721 г.)⁵¹. Городским властям приходилось думать о благоустройстве городских улиц, об их освещении. Постепенно в Петербурге, а затем и в других городах начинают появляться уличные фонари. На гравюрах второй половины века встречается изображение фонарщика, взбирающегося по лестнице, приставленной к столбу, зажигать или тушить фонарь.

В 1762 г. была образована «Комиссия о каменном строении С.-Петербурга и Москвы». Она же разрабатывала принципы застройки других городов, составляла планы переустройства старых городов и генеральные планы новых. Не все планы были осуществлены. Составляя планы для провинциальных городов, комиссия иногда не считалась с местными условиями, проявляла излишнее стремление к «регулярности». Это приводило к схематизму, искусственности планов. Однако многие работы комиссии стояли на большой художественной и технической высоте. В облике таких городов, как Кострома, Ярославль, Тверь (ныне — Калинин), и других до сих пор сохраняются черты, сложившиеся в последние десятилетия XVIII века⁵². Для всех перестраи-

⁴⁸ «Петербург петровского времени». Л. 1948, стр. 42.

⁴⁹ П. Н. Столпянский. Санктпетербурх. Птгр. 1918, стр. 117, 112.

⁵⁰ См. Н. Коваленская. История русского искусства XVIII в. М. 1962, стр. 54.

⁵¹ «Дневник камер-юнкера Берхгольца», стр. 188.

⁵² В. А. Шквариков. Планировка городов России XVII и начала XVIII века. М. 1939.

ваемых городов было характерно четкое отделение центра от окраин. Из центра удалялись промышленные заведения, кладбища. Вместе с тем на окраины вытеснялась беднота, которая не могла строить красивые двух-, трехэтажные дома. Так в композиции города все отчетливее проявлялась социальная структура его населения. Уделом окраин были, как правило, скученность, отсутствие элементарного благоустройства, антисанитария.

Художественные принципы комиссии определялись складывавшимся тогда в архитектуре стилем классицизма. На смену пышности, буйству красок, причудливости силуэта творений В. Растрелли, С. И. Чевакинского и других мастеров барокко классицизм нес рационалистичность, четкость и строгость построения городского ансамбля и отдельного художественного произведения, ясность мысли. Лучшие представители классицизма восприняли от своих предшественников гражданский пафос, патриотизм. Глубоко изучались и использовались образцы искусства античности и Возрождения. Все больший интерес вызывало творчество старинных русских зодчих (так называемая псевдоготика в работах В. И. Баженова, М. Ф. Казакова и других архитекторов).

Существенной чертой произведений мастеров классицизма является их соразмерность, или соразмерность человеку. Они не подавляют своим великолепием и размахом. Перед Нашковым домом В. И. Баженова, Московским университетом М. Ф. Казакова — Д. И. Жилярди, Таврическим дворцом П. Е. Старова, Невскими воротами Петропавловской крепости или Екатерининской церковью в Валдае Н. А. Львова человек не чувствует себя маленьким, чужим. Членение этих зданий, их ордер соотносены с масштабами человеческой фигуры. Их архитектурный замысел прост и ясен, все формы успокоены. Они очень разные, как и их создатели — самобытные, яркие художники. Но все они рождают в зрителе чувство возвышенной успокоенности, сосредоточенности, гордости за человеческий разум и искусство.

Наблюдения за изменениями в облике русского города, над особенностями новой архитектуры логично ведут к человеку — тому, кто создавал и преображал города, жил в них, творил новую культуру.

Н а ч а л о с т а н о в л е н и я ч е л о в е к а н о в о г о т и п а

Когда-то был довольно распространенным мнимо глубокомысленный, а в действительности наивный взгляд, что русский человек в XVIII в. «под влиянием Запада» переменился чисто внешне, поверхностно, оставшись, по сути дела, старозаветным, дремуче провинциальным. Между тем кризис средневековой и становление новой культуры — не поверхностные явления, не результат «влияний». И это не абстрактные понятия. Кризис средневековой культуры — это кризис в мировоззрении, в душевном строе русского человека. Ломались привычные нормы морали, поведения, взаимоотношений в семье, в обществе. Менялись и внешний облик самого человека, его одежда, прическа, быт, привычки. Эти изменения являют собой сложный, для многих мучительный процесс. Классовая и сословная вражда, вмешательство государства в личную жизнь, вековые привычки и предрассудки, поток новых впечатлений — все это каждый человек должен был осознать, оценить, найти свое место в сложной, меняющейся обстановке. «Да еще бы в огонь христианин не шел»⁵³, — восклицал протопоп Аввакум. И действительно, тысячи людей шли «в огонь», находя столь жестокий исход мучительным противоречиям жизни. Но в народе было слишком много здоровых сил. И в той светской культуре, которая создавалась народом, также проявлялась сила его духа, преодолевались трагические противоречия жизни.

К сожалению, литература и искусство того времени еще не могли отражать жизнь во всей ее глубине, не умели анализировать психологию людей. Но все же и литература и искусство в какой-то мере отзывались на новые явления. Они дают возможность представить себе начало становления человека нового типа, человека новой культуры. Новые явления можно проследить в бытовых повестях, созданных неизвестными авторами в первой трети XVIII века. Это «История о российском дворянине Фреле

⁵³ «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». М. 1960, стр. 140.

Скобеев»⁵⁴, так называемые «петровские повести»: «Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «Гистория о храбром российском ковалере Александре», «Гистория о некоем шляхецком сыне». Повести распространялись в рукописях. Судя по количеству списков, они были весьма популярны на протяжении всего века. Объединяют повести характер, тип их героев, общность подхода к жизни, взглядов, эстетических вкусов. Эти произведения еще несовершенны в художественном отношении, эпоха преобразований отразилась в них не во всей своей глубине и многообразии⁵⁵. И все же они позволяют многое узнать о том времени, о людях, дают возможность почувствовать это время, его новую культуру.

Интересен не только «материал», заключенный в повестях, а и самый факт их появления. Важно, что существовали их реальные авторы — современники, а возможно, и участники преобразований. Безусловно, то были люди, сознательно ставшие на передовые идейные позиции своей эпохи, сумевшие увидеть, обобщить и запечатлеть ее черты. На страницах своих произведений они невольно воспроизвели и собственные черты, свое мировоззрение, жизненные позиции, пристрастия и антипатии, этические и эстетические взгляды. Авторы повестей и вместе с ними их герои напрочь порывают со средневековым провиденциализмом. Не божий промысел и не вмешательство дьявола определяют судьбу человека. Все дело в его характере, уме, знаниях, смелости, верности долгу и других нравственных качествах. Эта идея — огромное достижение новой культуры. С нее начиналось становление личности, освобождение человека от религиозных оков.

Герои повестей — из бедных дворян. Вот Василий Кориотский. Его отец «в великую скудость прииде и не имелше у себя пищи». А Василий после многих испытаний и трудов «поживе в великой славе и... был королем флоренским»⁵⁶. Путь из бедных дворян во флоренские короли, конечно, сказочен. Но вспомним о судьбах некоторых современников Василия, хотя бы Алексашки Меншикова! Сказка окажется не столь уж далекой от действительности. «Петровские повести» отражали судьбы и взгляды того социального слоя, который поднялся к управлению страной и был основной опорой народившегося абсолютизма. Именно его интересы в первую очередь выражала петровская «Табель о рангах»: «Мы для того никому какого ранга не позволяем, пока они Нам и отечеству никаких услуг не покажут...»⁵⁷. Не знатность рода, а «услуги» царю и отечеству — вот что требовалось от тех, кто хотел добиться чести и богатства. В условиях петровского царствования «показать услуги» царю можно было, только овладев практически ценными знаниями. Именно поэтому в первых же строках повести рассказывается, что Василий идет служить во флот, «в науках пребываше» и вскоре «знал в науках мотроских велми остро». Шляхетский сын тоже отличился успехами в учении, за что «цесарь имел многую милость и определил ево при академии профессором».

Еще и еще раз авторы повестей возвращаются к этой мысли: личные достоинства, знания, «науки», а не знатные предки дают право на высокое место в жизни, на счастье. Даже своей дочери и наследнице цесарь в «Гистории о некоем шляхецком сыне» велит учиться в академии и тем заслужить право на престол. Цесаревна, в свою очередь, на первое место ставит «богатство ума», а не благородное происхождение. Посещая академию, она полюбила учившегося там «шляхетского сына», который «наукой весма ей был подобен и красотою непомерной». Они были вместе «во всяких наук розыскиваниях», и он был ей «весма благ в советных». Но вот цесаревна признается ему в любви. Бедный шляхетский сын пришел в ужас, он готов заколоть себя шпагой, ибо «не достоин сего». Тогда-то цесаревна и произносит знаменательные слова: «Аще кто и многократно благороднее тебя мне в супружество бы был, хотя и от самых коронованных, а толикого ума и премудрости, как ты имешь, несравненна всего мира богатство ума...»⁵⁸.

⁵⁴ Датировку, ее обоснование и анализ повестей см.: Н. А. Бакланова. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII—XVIII вв. «Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.)». М. 1971.

⁵⁵ «Русские повести первой трети XVIII в.». Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.-Л. 1965.

⁵⁶ Там же, стр. 191, 210.

⁵⁷ ПСЗ. Т. VI, № 3890.

⁵⁸ «Русские повести первой трети XVIII в.», стр. 297.

Повести оптимистичны. Они дышат уверенностью в возможности человека, во всемогущество разума и науки. Василий Кориотский выходит победителем из трудных испытаний. Правда, гибнут молодые герои «Истории о некоем шляхецком сыне». Но причина этого в происках знатных «сенаторов и министров». Идея же верности своему долгу и любви торжествует. Умирает в конце повести и «ковалер Александр». Этот «неожиданный и даже странный конец произведения» убедительно объясняется тем, что Александр поехал за границу ради «науки», но его «склонность... была более в забавах, нежели в учении быть». Встреча с Петром I, лично экзаменовавшим возвращавшихся из подобных командировок, не предвещала ему ничего хорошего. Зная это и симпатизируя своему герою, автор предпочел закончить «историю» гибелью Александра⁵⁹.

Итак, герои повестей побеждают или гибнут не фатально, а в силу обстоятельств и особенностей своих характеров и других личных черт. И здесь невольно напрашивается сопоставление с бытовыми повестями XVII века. Герой «Повести о Горе и Злочасти, как Горе-Злочасти довело молодца во иноческий чин» презрел благочестивые наставления родителей, вступил на неправый путь⁶⁰. От окончательной гибели его спас только монастырь.

Именно в XVII в. начинается возрастание личностного начала в духовной культуре, происходит открытие ценности человеческой личности. Но, поскольку старые устои жизни были тогда еще слишком сильны, попытки жить по-иному для многих кончались трагично⁶¹. «Для демократической литературы XVII в. характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда же — неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащитности, вера в судьбу, рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость»⁶². Но трудно было противостоять судьбе людям, воспитывавшимся в традиционном убеждении «яко ничтоже человек в житии сем». Всем правит божественная воля. Протопоп Аввакум внушал себе и читателям своего «Жития»: «Ну, помни же себя, что нет тебя ни со што, аще не господь что сотворит...»⁶³. Как не похожи на этих людей герои «петровских повестей» — молодые дворяне, энергичные, образованные, верящие в себя, осознающие силу своего дворянского государства, воодушевленные успехами русского оружия и пафосом реформ.

Еще одна черта героев «петровских повестей» резко отличает их от большинства людей средневековой культуры. Это их отношение к Европе и европейской культуре. Замечательно, что они не противопоставляют Россию Европе, вернее, не отделяют ее от Европы. Без всякого нажима, как нечто само собой разумеющееся начинает автор свою «Историю о... Василии Кориотском»: «В Российских Европиях некоторый живяше дворянин...». Для людей новой культуры нет никаких сомнений в том, что Россия — европейская страна. Для всех героев «петровских повестей» поездка в «чужие края» для царской службы, для постижения науки, для изучения тамошних городов, крепостей и «политичных нравов» — дело вполне естественное и необходимое. Василий сам просился, чтобы его послали вместе с другими матросами в Голландию «для лутчаго познания наук». Александр, упрасывая родителей отпустить его за границу, дал развернутую мотивировку своей просьбы. Его «нестерпимо мучит» желание «иностранных государств видением очеса мои насладить и их политичных нравов себя обучить». Эти слова напоминают запись в дневнике кн. Б. Куракина: в России «нынешних времен обычай имеют, каждый желает свету видеть»⁶⁴.

Повести отразили и бытовые реалии нового времени, немислимые в средневековье. Герои повестей исполняют «арии» своим возлюбленным, играют на арфах и флейтах, «искусно и политично» танцуют «с дамами». В авторской речи и в речи героев

⁵⁹ Там же, стр. 126.

⁶⁰ Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 162—165.

⁶¹ А. М. Сахаров. Указ. соч., стр. 103.

⁶² Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.-Л. 1958, стр. 152.

⁶³ Цит. по: А. Н. Робинсон. Борьба идей в русской литературе XVII века. М. 1974, стр. 377.

⁶⁴ Кн. Б. Куракин. Дневник и путевые записки 1705—1710 гг. «Архив кн. Ф. А. Куракина». Т. I. СПб. 1890, стр. 130.

множество иностранных слов, с чрезмерным избытком хлынувших в русский язык в начале XVIII века. Некоторые из них остались в языке до сих пор: матрос, ария, кварта, министерский, профессор, маршировать и т. п. Но были заимствования неудачные, портившие язык: «ребелизонт Григорий Отрепьев», «великий трактament», «урочной термин» и многое другое.

Встреча с человеком переломной эпохи в истории русской культуры может быть и более непосредственной. Можно увидеть этого человека, как он одет, причесан, можно заглянуть в его глаза, попытаться понять его психологию. В любом музее живопись XVIII в. представлена прежде всего портретом. Особенно сильным было впечатление от такой встречи на выставке «Портрет петровского времени», организованной Русским музеем и Третьяковской галереей в 1973 году⁶⁵. Зритель попадал в окружение современников преобразований. Сам русский портрет как жанр искусства — порождение именно той эпохи. Он был вызван к жизни новым пониманием человека как личности, новым пониманием его места и роли в жизни. И он воплотил нового человека, опровергая своим существованием сомнения в глубине происходившего переворота.

Сквозь случайные и индивидуальные отклонения настойчиво пробивается новое видение человека художником и вместе с тем новое во внешнем облике и во внутреннем мире самого реального человека — и того, кого писали, и портретиста. Русским портретистам XVIII в. присуще нечто общее, то своеобразие, которое отличает их от художников последующего периода, неизъяснимый аромат времени. В особенности, если представить портреты их кисти не в теперешних музеях, а на стенах комнат и зал в домах и усадьбах XVIII в., для которых они предназначались, среди современной им мебели, при свете свечей...

Один из аспектов понимания человека XVIII в. выразился в большом количестве парадных, репрезентативных портретов. Блеск одежд, пышных париков, причесок, драпировок — наглядное выражение сословного подхода к человеку, бьющее в глаза, стремление подчеркнуть богатство, знатность, высокий чин. Чувственная красота, наружный блеск, импозантность. Но и в этом, как и в барочных дворцах XVIII в., — новая культура, жизнерадостная, чуждая средневекового аскетизма. Однако нельзя не сказать и о потерях: парадные портреты лишены высокой духовности лучших живописных творений средневековья. К счастью, главное направление русского портретного искусства XVIII в. связано с иным, чем в парадных портретах, пониманием человека. Русские художники стремятся проникнуть во внутренний мир, раскрыть богатство личности, человеческое достоинство, независимое от сословного положения.

Один из первых русских художников нового времени, И. Н. Никитин (около 1680 — не ранее 1742 г.), решительно становится на этот путь. Вглядываясь, например, в его портрет Петра I (1721 г., Русский музей), видишь сильного, гордого, волевого человека — типичного человека времени реформ, тяжелейшей многолетней войны. На лице Петра заметны грусть и усталость, следы тяжелых трудов, жизненной борьбы, личных горестей. Художник с большим пониманием, сочувствием пишет портрет своего современника, не показывая никакими внешними приметами, аксессуарами, что это царь. Петр, в свою очередь, с уважением и гордостью говорил о Никитине: «Есть и из нашего народа добрые мастера»⁶⁶. Не меньшее впечатление остается от никитинских портретов Напольного гетмана (1720-е годы, Русский музей) или царевны Натальи Алексеевны (около 1716 г., Русский музей, Третьяковская галерея) — женщины нового времени, активной сторонницы реформ, новой культуры.

Новые люди смотрят на нас и с «Автопортрета с женой» А. М. Матвеева (1729 г., Русский музей). Открытый и твердый взгляд, скромность, чувство собственного достоинства — такими предстают перед нами художник и его жена. Подчеркнутое уважение и внимание к женщине — тоже черта времени, порывающего с домостроевскими нравами. В портрете «первого российского солдата» С. Л. Бухвостова (неизвестный художник начала XVIII в., Русский музей) изображен один из тех рядовых людей, что

⁶⁵ См. «Портрет петровского времени». Каталог выставки. Л. 1973.

⁶⁶ «Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка имп. Петра I с государынею Екатериною Алексеевною». М. 1861, стр. 44.

вынесли на своих плечах тяготы Северной войны и обеспечили России выход к морю. В надписи на гравюре с этого портрета, выполненной известным гравером петровского времени М. И. Махаевым, о Бухвостове сказано: «Был росту среднего, силен, тверд, скромн и весьма воздержан»⁶⁷.

Портрет петровского времени по своим художественным достоинствам стоит много выше повестей той поры. Но и он не настолько глубоко проникает в психологию, чтобы раскрыть ту сложную борьбу старого и нового, которая шла в людях переломного времени. Сохранилось несколько портретов фельдмаршала Б. П. Шереметева кисти разных художников⁶⁸. Все они рисуют импозантный облик военачальника, лишенного, по-видимому, каких бы то ни было сомнений. Между тем Шереметев вел жизнь, полную внутреннего мучительного разлада. Верно служа Петру, получая высшие почести и награды, этот человек не смог до конца принять новую культурно-политическую ориентацию⁶⁹.

Тенденции развития новой культуры

Уже на начальном этапе новой культуры выявляются ее характерные черты. Это культура складывавшейся русской нации. Складывание нации — процесс, как известно, длительный. В основе его лежит фактическое слияние всех областей страны «в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»⁷⁰. Поэтому для создания «национальных связей» не требовалось феодальной церкви, которая выступала в качестве «наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции... феодального строя»⁷¹. Соответственно падает и значение религиозной культуры. Возникает и все более усиливается потребность в светских знаниях, в светской науке, в их распространении среди более широких, чем прежде, слоев народа. Средневековое искусство, средневековая литература перестают отвечать на тревожные вопросы людей, стремившихся разобраться в проблемах «бунташного» XVII в., а затем в еще более сложных — века «осмнадцатого».

Новая культура — это светская национальная культура, возникшая как результат и одновременно как необходимый компонент складывавшейся нации (как известно, в определение нации входит понятие «общности культуры»). И нация, и национальная культура конца XVII — первой половины XVIII в. — это еще начальный их этап, скорее тенденция, чем зрелое явление.

Какое же имело значение для самой культуры то, что она сбросила церковные оковы и стала светской? Необычайно расширились возможности культуры адекватно отражать жизнь и влиять на развитие ее многообразных явлений. Вместе с тем, разумеется, увеличился творческий потенциал людей, ставших на позиции новой культуры. «Смысл бытия человека заключается в свободной творческой деятельности, в практическом переустройстве мира»⁷². Религиозные догмы сильно ограничивали его творческое начало. Теперь же ответы на жгучие вопросы жизни он стал искать не на небе, а в окружающей действительности. Появление в середине XVIII в. М. В. Ломоносова, который своим творчеством охватил чуть ли не все отрасли культуры, есть и результат, и обобщение первого этапа развития светской культуры.

Только светская школа могла дать знания, необходимые для строительства городов, флота, разведки полезных ископаемых и т. д. Но одновременно она формировала людей, способных воспринимать и творить новую культуру. Школа воспитывала желание и привычку читать книги, собирать библиотеки. Книга расширяла кругозор, острела мысль, звала в путешествия, воспитывала вкус. Для художественной литературы и

⁶⁷ «Портрет петровского времени», стр. 136—137.

⁶⁸ Там же, стр. 88—89, 106, 149, 240.

⁶⁹ См. А. И. Заозерский. Фельдмаршал Шереметев и правительственная среда петровских времен. «Россия в период петровских реформ». М. 1973.

⁷⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 153—154.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 361.

⁷² П. В. Копнин. Гносеологические и логические основы науки. М. 1974, стр. 300.

искусства светскость дала возможность обратиться к исследованию человеческой личности во всех ее проявлениях. Возникли вновь или приобрели качественно новый характер виды и жанры литературы и искусства, в средневековье мало развитые или даже запретные. Например, инструментальная музыка, скульптура, портрет, театральное искусство.

Второй характерной чертой новой культуры можно назвать решительный поворот к активному общению с культурами других европейских народов, слом средневековой замкнутости. Эту черту нередко обозначают термином «европеизация». Как известно, им широко пользовался В. И. Ленин. При этом под «европеизацией» он понимал сложный процесс, продолжавшийся еще и в начале XX века⁷³. «Европеизация» была закономерна и необходима. И дело вовсе не в отсталости России. Отсталость, конечно, влияла на формы и характер «европеизации». Но главное, во-первых, в том, что Россия вступила на тот путь исторического развития, по которому уже шли передовые европейские страны; развитие русской культуры определялось теми же закономерностями. Во-вторых, общение культур, усвоение достижений различных народов — это не «особенность» России, а всеобщая закономерность.

Те, кто с излишней настойчивостью подчеркивают (или отрицают) «заимствования» русской культурой у «Запада», часто просто не знают фактов общения и «заимствований» культур, например, итальянской и французской, французской и английской, немецкой и славянских и т. д. Кроме того, не было и до сих пор не существует единой культуры «Запада». Есть национальные культуры различных европейских народов, развивающиеся по общим закономерностям и имеющие много общих черт. Но все они своеобразны и индивидуальны. Однако «своеобразие и индивидуальное лицо культуры создается не путем самоограничения и сохранения замкнутости, а путем постоянного и требовательного познания всех богатств, накопленных другими культурами и культурами прошлого»⁷⁴. Это значит, что в условиях нового времени искусственное сохранение замкнутости, отказ от богатств, накопленных другими народами, обрекал русскую (так же, как и любую другую) культуру на застой. В конечном счете это могло вести именно к лишению богатства индивидуального выражения и национального своеобразия. Чтобы быть национальной, русская культура должна была быть и европейской. Передовые люди России это хорошо понимали.

Не следует думать, что русская культура всегда только «получала» что-то от других культур. Постепенно, все нарастая, шел процесс взаимообогащения. Для XVIII в. ограничимся лишь одним примером. Ученый мирового масштаба математик Л. Эйлер писал: «Я и все остальные, имевшие счастье состоять некоторое время при Русской имп. Академии, должны признать, что тем, чем мы являемся, все мы обязаны благоприятным обстоятельствам, в которых мы там находились. Что касается собственно меня лично, то при отсутствии столь превосходного случая я бы вынужден был заняться другой наукой, в которой, судя по всем признакам, мне предстояло бы стать лишь кропателем... Я всем обязан своему пребыванию в Петербургской Академии»⁷⁵.

Третья характерная черта, на которую хотелось бы обратить внимание, — это чрезвычайное ускорение по сравнению со средневековьем темпов развития культуры. Несомненна взаимосвязь всех этих черт культуры. Действительно, устранение церковных ограничений на пути творческой мысли способствовало ускорению роста научных знаний, искусства, литературы. Общение с культурами других народов позволяло идти вперед, используя их достижения. Речь идет не только о народах других стран. Вспомним глубокую мысль профессора Московского университета Н. Н. Поповского — ученика М. В. Ломоносова. По его мнению, в России имелась особенно благоприятная обстановка для развития философии, так как различные народы России живут «в искреннем и дружелюбном сотрудничестве», а также и потому, что многообразие естественных условий открывает богатые возможности для научных наблюдений⁷⁶. Пусть Н. Н. Поповский несколько

⁷³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 371.

⁷⁴ В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л. 1971, стр. 5.

⁷⁵ «История Академии наук СССР», Т. I. М.-Л. 1958, стр. 71.

⁷⁶ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», Т. I. М. 1952, стр. 91.

идеализировал положение в России, но самая мысль его была справедливой. В XVIII в. формировались и крепили связи культур народов России. Путешествия ученых (например, С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, В. Ф. Зуева)⁷⁷ расширяли знания об общественном строе, быте, верованиях, производственных навыках других народов и способствовали ускорению развития культуры. Наблюдения за верованиями различных народов убедили профессора Московского университета Д. С. Аничкова в земном происхождении религии⁷⁸. Это, в свою очередь, содействовало эволюции светской научной мысли. Недаром диссертация Д. С. Аничкова вызвала озлобленную реакцию церковных кругов.

А теперь попробуем взглянуть на вопрос с иной стороны. Равнозначны ли понятия «новая культура» и «культура XVIII века»? Иными словами, полностью ли победили и стали господствующими во всех отраслях культуры, во всех слоях народа те черты национальной русской культуры, которые характеризовались выше как новые? Конечно, нет. Не было полной победы, так же как не было плавного, равномерного движения вперед, по пути прогресса. Наоборот, резкие порывы, яростная борьба, крайняя неравномерность охвата новой культурой различных сторон жизни, разных отраслей культуры — вот что бросается в глаза при знакомстве с культурой XVIII века. Иначе и не могло быть. Кризис средневековой культуры, становление новой были выражением глубинных социально-экономических процессов, затрагивавших коренные интересы общественных классов, внутриклассовых групп и каждого человека в отдельности.

Россия XVIII в. — страна феодально-крепостническая. И в этом факте следует искать причины особенностей культуры того времени, характера возникавших перед нею проблем, способов разрешения этих проблем. Борьба крестьянства против усиления крепостного гнета, борьба дворян за упрочение своего политического господства — все это находило отражение в культуре, иногда прямо, иногда опосредованное. В период петровских преобразований «новое пробивало себе дорогу так же свирепо и беспощадно, как цеплялось за жизнь отжившее старое»⁷⁹. Но позиции тех, кто держался за старину, должны быть оценены различно. Позиция боярства и массы духовенства была реакционной. Спротивляясь новой культуре, они тянули страну назад, наносили ущерб национальным интересам. Крестьянство тоже нередко выступало противником новой культуры, упорно держалось за старину, хотя нужно учитывать, что оно было неоднородно и его разные категории и слои по-разному относились к различным сторонам культуры. Но для крестьян новая культура представлялась дворянской, а следовательно, враждебной. Она ассоциировалась в их глазах с усилением крепостничества. Слишком разительным было отличие в образе жизни дворян-помещиков и крестьян.

И все же ни в коем случае нельзя противопоставлять крестьянство, то есть большинство русского народа, новой культуре. Новая культура — национальная культура. Она была противоречивой. Но лучшее в ней связано с народной культурой, ибо народ создавал эту культуру. Уже во второй половине XVIII в. крестьянский вопрос станет главным в русской культуре; Н. И. Новиков поднимется на борьбу с помещичьим «жестокосердием»; А. Н. Радищев выступит с революционным призывом против крепостничества и самодержавия. Литература и искусство все чаще будут обращаться к народной, крестьянской теме, все чаще черпать из сокровищницы народного языка, музыки, песни. Постепенно новая культура будет захватывать все более широкие слои народа, и крестьянин потянется к этой культуре. Новая культура преодолевала в первую очередь то, что было связано с религиозно-церковным характером средневековой культуры. Но то, что оказалось бессмертным, что было создано народом, входило органично в новую культуру, придавая ей национальный колорит и своеобразие. Поэтому культура XVIII столетия имеет значение важнейшего этапа в истории отечественной культуры, а ее лучшие достижения живут и в наши дни.

⁷⁷ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки... СПб. 1755; И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства. СПб. 1775—1805; «Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году». СПб. 1787.

⁷⁸ «Разсуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания...» [М. 1769].

⁷⁹ Н. Павленко. Петр I. М. 1975, стр. 75.